

Встречи с призраками

23 истории, которые заставят содрогнуться!

Орнитолог Портер решает навестить окутанный мрачными преданиями остров Эйерн. Местные верят, что на его берега время от времени выходят из морских пучин русалки и тритоны. Но то, с чем предстоит встретиться Портеру, гораздо ужаснее и безжалостнее... («Новый вид»)

Старик Адам Фаррел умирает в одиночестве. В его опустевший холодный дом является некто Фалред. Он решает провести ночь в комнате мертвеца («Прикосновение смерти»)

В юности охотник Бауман стал свидетелем жуткого происшествия. Вместе со своим напарником они ставили капканы в горной местности. А ночью к их лагерю наведальось нечто, не похожее ни на зверя, ни на человека... («Вендиго»)

The illustration depicts a woman in a black, hooded dress standing in a graveyard. She is looking towards the right. In the background, there are tombstones, a crow perched on a stone, and several birds flying in a cloudy sky. The overall color palette is dark and moody, with shades of black, grey, and muted blue.

ДЖ. ЛОНДОН • Г. УЭЛЛС • Г. МЕЛВИЛЛ
Р. КИПЛИНГ • Т. РУЗВЕЛЬТ • Р. ГОВАРД
А. К. ДОЙЛ • Э. УОРТОН

ВСТРЕЧИ С ПРИЗРАКАМИ

СБОРНИК

ВСТРЕЧИ
С ПРИЗРАКАМИ

Д.Ж. АОНДОН ▫ Г. ҮЭААС ▫ Г. МЕАВИАА
Р. КИПАУНГ ▫ Т. РҮЗВЕАЛТ ▫ Р. ГОВАРД
А. К. ДОЙА ▫ Э. ҮОРТОН

ВСТРЕЧИ С ПРИЗРАКАМИ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8804-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с английского

Дизайнер обложки Виталий Котенджи

В85 Встречи с призраками : сборник / Дж. Лондон и др. ; сост. Г. Панченко ; пер. с англ. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 416 с.

ISBN 978-617-12-8606-1

УДК 821

© Панченко Г. К., составление, 2021

© DepositPhotos.com / Sandralise; Svetlanarib79; YaroslavGerzhedovich, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Артур Мэкен

Черная Печать

Фамилию Артура Мэкена (1863—1947) у нас иногда, в полном соответствии с правилами английского произношения, передают как «Мейчен» — но это неверно: она должна звучать по-валлийски. По-английски он и вовсе Джонс, но бабушка со стороны матери, представительница старого валлийского рода, в котором не осталось мужчин, выразила готовность оплатить юному Джонсу образование, если он примет ее родовую фамилию. Артур согласился и был верен этой договоренности всю жизнь.

Как писателя Артура Мэкена «забывали» по меньшей мере трижды — первый раз еще в 1930-х, то есть при жизни. Но каждый раз приходилось вспоминать снова. Иногда — благодаря внутренней эволюции самой литературы, когда, казалось бы, устаревшие направления (прежде всего связанные с хоррором) вновь оказывались востребованными, а иногда — благодаря влиянию на последователей. Учениками же Мэкена считали и считают себя многие: Лавкрафт, Говард, Стивен Кинг, Дэн Браун... В кинематографе ряд его идей развивали Спилберг, Лукас и дель Торо.

Рассказ, опубликованный в этом сборнике, входит в крупное произведение «Три самозванца» (1895), которое представляет собой нечто среднее между сборником и романом в новеллах. В нем впервые прозвучала мысль о том, что английский «маленький народец» — фэйри, пикси и другие «обитатели холмов» — возможно, не волшебные существа, а некая малая раса из плоти и крови, издавна существующая параллельно человечеству. Которая навсегда застыла в каменном веке, но взамен получила ряд магических способностей.

Именно от «Черной Печати» отталкивался Лавкрафт, создавая, возможно, одно из знаменитейших своих произведений — «Ужас в Данвиче». При этом кое в чем знаменитый американец отстал от своего британского учителя: например, если Мэкен, говоря о «древней расе», не проецирует на нее современные ему расистские комплексы, то Лавкрафт этого избежать не сумел.

Но самое известное произведение Мэkena было написано не в жанре рассказа или романа. Речь идет о пропагандистской статье (без «отрицательного» смысла: во время Первой мировой войны он как журналист работал в ведомстве пропаганды), которая, отделившись от автора, зажила собственной жизнью. Это легенда о призрачных английских лучниках, которые, перенесшись из времен Столетней войны в 1914 год, заслонили собой обреченных соотечественников (на сей раз воюющих не против французов, а вместе с ними) и открыли из своих луков смертоносную стрельбу по наступающим немцам.

Мы еще встретимся с ней на страницах этого сборника, в рассказе «Окопная Мадонна» Киплинга.

Прошло уже много лет с тех пор, как в моем сознании забрезжило робкое предположение, впоследствии превратившееся в факты, доказанные если не полностью, то по крайней мере частично. Прежде всего, путь к этому проложила моя страсть к разностороннему чтению — занятию, ныне считающемуся анахронизмом, благодаря которому я стал своего рода специалистом и с головой погрузился в этнологию. И в те времена, и впоследствии я был шокирован находками, отвергаемыми классической научной мыслью, и открытиями, до сих пор недоступными всем исследователям. В частности, я убедился, что львиная доля устного творчества народов мира представляет собой несколько гиперболизированный отчет о событиях, случившихся на самом деле. Особенно меня увлекли кельтские предания о фэйри — удивительном народце. Именно здесь, мыслилось мне, можно найти следы преувеличения и прямого утрирования — все эти фантастические обличья, маленькие люди, облаченные в зеленое и золотое и веселящиеся среди цветов... Мне казалось возможным провести прямую аналогию между наименованием этой якобы вымышленной расы и описанием внешности и поведения ее представителей. Наши далекие предки нарекли чудовищные создания «феями» и «маленьким народцем» именно потому, что ужасно боялись их — так что их облекли в чарующие одеяния, прекрасно зная, что на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. К перевоплощению также приложила свою могущественную длань и литература, причем начала свою работу достаточно рано, и потому шаловливые эльфы Шекспира уже довольно

далеки от своих реальных прототипов. Истинный ужас сделался неузнаваемым под маской плутовского озорства. Однако в более старых преданиях — в тех историях, что рассказывались у костра и заставляли людей истово креститься, — мы видим совсем иное: мне чудился совершенно иной дух в сказаниях о тех детях, женщинах и мужчинах, что таинственно сгнули с лица земли. Крестьяне замечали их в полях, шагающими по направлению к зеленым округлым невысоким холмам — а после уже никто на свете их не видал. А еще ведь есть истории о матерях, что оставляли ребенка мирно спящим за крепко-накрепко закрытой деревянной дверью, а по возвращении домой обнаруживали не пухлощекого розового маленького англосакса, а тощее, морщинистое создание с кожей землистого цвета и пронзительными черными глазами — дитя иной расы. Опять же, чем глубже в старину, тем более зловещими выглядят мифы об ужасных колдунах и ведьмах, об огненном зле шабашей, а также намеки на демонов, которые возлегли с дочерьми человеческими. Но поскольку мы заменили чудовищные «предания о фэйри» байками о милых, хотя и чудаковатых эльфах, точно так же от нас оказалось сокрытым черное безумие ведьмы и ее спутников — его спрятали за популярными сказочками о старухах на метлах, чертовщине и забавных длиннохвостых кошках. Еще древние греки переименовали чудовищных фурий в милостивых повелительниц; как видим, северные народы последовали их примеру. Я неотступно вел исследования, выкраивая время за счет других, куда более важных занятий, и я спросил себя: если предположить, что в старинных преданиях кроется истина, то кем же были те демоны, которые, если верить имеющимся свидетельствам, посещали шабаша? Нет нужды объяснять, что я отбросил все то, что могло бы называться сверхъестественными домыслами Средних веков, и пришел к выводу, что фэйри и черти являются существами одного происхождения и расы. Разумеется, это было лишь догадкой, а германские сказания о былых днях подверглись значительному искажению и гиперболизации, но я все же непоколебимо верил, что за всеми этими художественными нагромождениями скрывается темная изнанка правды. Однако некоторые чудеса, якобы имевшие место, заставляли меня пребывать в сомнениях. Хоть я и был далек от признания того, что в любой из разновидностей современного спиритуализма

содержится хотя бы зерно истины, я все же не полностью мог отказаться от предположения, что плоть человека и в те далекие времена, и нынче чуть ли не в десяти миллионах случаев могла оказаться неисчерпаемым источником сил, кажущихся нам волшебными, — и силы эти, вдали от прогрессирующей человеческой цивилизации, действительно выжили в глубинах бытия. Даже у амебы или улитки имеются способности, недоступные нам; вот я и счел, что теория атавизмов способна объяснить множество вещей, до того казавшихся абсолютно необъяснимыми. На этом и базировалась моя точка зрения: у меня имелись веские основания полагать, что безбрежное море самых давних и нескомпрометированных позднейшими пересказами преданий о так называемых фэйри содержит неопровержимые факты. И я предполагал, что элемент сверхъестественного в этих преданиях следует отнести на счет того, что в человеческой памяти как живой мог сохраниться народ, павший под неумолимой пятой эволюции, — народ, чьи способности показали бы нам абсолютно удивительными. Таковой была теория, зародившаяся в моем сознании, и, работая над ней, постоянно имея ее в виду, я словно получал ее подтверждения отовсюду — из раскопок курганов или древних захоронений, из заметок в местных газетах о собраниях любителей старины графства и из разномастной литературы общего содержания. Что же до прочих источников, то помню, как я был поражен принадлежащим перу Гомера выражением «сладкоречивый вития», словно бы до того писатель знал или слышал о человеке, чьи речи были настолько грубы и примитивны, что мысль, содержащуюся в них, сложно было бы сформулировать. Следуя за моей гипотезой о расе, которая отставала от прочих, я легко мог представить себе существо, говорящее на непонятном языке, который лишь немногим отличается от нечленораздельного рычания грубого животного.

Здесь мне пришлось остановиться, дабы удостовериться, что во всех случаях мои догадки не слишком далеко отходят от реальных событий. Внезапно моим вниманием завладела случайная газетная заметка, напечатанная в местном издании графства. Это был короткий отчет о том, что с любой точки зрения казалось мелкой деревенской трагедией: сообщалось об исчезновении молодой девушки, и смаковались злобные сплетни, втаптывающие в грязь ее репутацию.

Однако между строк я увидел, что весь этот скандал состоит из чистой воды предположений, призванных объяснить то, что в любом другом случае осталось бы необъяснимым. Предположения дрянных соседей девушки были просты: побег в Лондон или Ливерпуль; или же никем не обнаруженное тело, лежащее с привязанным к шее камнем в заросших илом глубинах лесного пруда; или же, на худой конец, убийство. И вот когда я празднично просматривал написанное, меня словно электротоком ударила свежая мысль: что, если мрачный и внушающий ужас народец холмов все еще жив, все еще обитает в глуши, среди раскопанных холмов? Вдруг и сейчас, и позже они продолжают творить зло, описанное в легендах германских народов, неизменные и не способные измениться, наподобие монгольских цыган или испанских басков? Вынужден признать, что идея эта привела меня в неистовство: внезапно стало не хватать воздуха, я обеими руками вцепился в подлокотники кресла, пребывая в смятении и разрываясь между ужасом и душевным подъемом. Происходящее было настолько же нереальным, как если бы один из моих коллег-естествознателей, прогуливаясь по тихому английскому лесу, внезапно с ужасом обнаружил, что на него нападает слизкий и тошнотворный ихтиозавр, служивший прообразом чудовищных змиев, которых убивали отважные рыцари, или увидал бы, как солнце потемнело от крыльев птеродактилей, драконов из древних преданий. В то же время, поскольку я изо всех сил стремлюсь к познанию, мысль о подобном открытии приводила меня в радостное возбуждение. Я вырвал газетную страничку и засунул ее в ящик старого письменного стола, постановив: это будет первым экземпляром коллекции самых странных событий. Я еще долго просидел в тот вечер, грезя о том, что же удастся в итоге обнаружить, и не позволяя трезвомыслию поколебать свою первоначальную решимость. Однако когда я непредвзято взглянул на дело, то осознал, что мои построения вполне могут базироваться на весьма шатком фундаменте, а факты вполне согласовываться со всеобщим суждением, и я начал относиться к произошедшему там с некоторой осторожностью. Но хоть я и постановил держаться начеку, но все же склонялся к мысли о том, что единственный оказался бдительным и внимательным, в то время как огромная толпа исследователей и мыслителей оставалась халатной

и незаинтересованной, поскольку пропускала мимо глаз наиболее существенные обстоятельства.

К тому времени, когда я сумел пополнить содержимое письменного стола, прошло несколько лет. Второе открытие в действительности ничего особенного не значило, поскольку было — с незначительными отклонениями — лишь повторением первого и произошло в отдаленной местности. Но я все же сумел сделать кое-какие выводы: как и в первом случае, трагедия произошла в безлюдной и пустынной местности. Таким образом, моя теория пока что подтверждалась. Однако третья находка имела для меня решающее значение. Как и прежде, посреди холмов, в месте, отдаленном от оживленных путей, был убит старик, и орудие казни оставили рядом с телом. Но в данном случае, в противоположность предыдущим, поползли слухи и сплетни, поскольку смертельным орудием оказался примитивный каменный топор, привязанный жилами животных к деревянной ручке, что вызвало самые неправдоподобные и нелепые догадки. Самые дичайшие из них, как с ликованием думал я, заходили слишком уж далеко, и я взял на себя труд вступить в переписку с местным доктором, вызванным для коронерского расследования. Он, человек весьма проникательный, пребывал в замешательстве и написал мне:

«Я не стану рассказывать об этом на каждой площади, профессор Грегг, но, говоря по правде, в происходящем скрыта какая-то чудовищная тайна. Я получил каменный топор в свое распоряжение и тщательно исследовал его возможности. Воскресным утром, когда моя семья и все слуги отсутствовали, я принес его в сад за домом и там, укрывшись за тополями, провел эксперимент. Эта вещь совершенно неподъемна. Быть может, у топора отменный баланс и хорошее распределение веса, позволяющее его применять, или же эффективный удар достигается лишь при особенном положении тела — я не знаю, но уверяю, что к моему возвращению домой я несколько разочаровался в собственных физических возможностях. Мои упражнения напоминали потуги неопытного человека вздеть молот: приложенная сила вернулась ко мне самому, и меня отшвырнуло на спину, в то время как топор упал на землю, не в силах причинить кому-либо вред. В другой раз я пригласил опытного местного лесоруба, но этот мужчина, сорок лет работавший собственным топором, не смог ничего сделать с топором каменным,

и каждый его замах завершался совершенно смехотворно. Короче говоря, если б это не звучало столь бесконечно нелепо, я бы заявил, что уже четыре тысячелетия никто на земле не мог бы нанести сокрушительный удар орудием, которым, вне всяких сомнений, был убит тот старик».

Вообразите, какой музыкой прозвучала для меня эта новость! Впоследствии же, когда я услышал, что несчастный старик порой болтал о том, что можно увидеть в ночи на белом склоне холма, намекая на неслыханные диковины, и что он был найден утром окоченевшим на том самом холме, о котором распространялся, мое ликование достигло предела. Я чувствовал, что реальность превосходит самые смелые мои ожидания. Но следующий шаг имел еще большее значение. Уже много лет я владел необычной каменной печатью — куском матового черного камня, размером в два дюйма по оснастке и грубым шестиугольником диаметром дюйм с четвертью на стороне оттиска. Все вместе это походило на увеличенный старинный пестик для набивания табака в трубку. Камень прислал мне с Востока доверенный человек, по словам которого находка была сделана в районе древнего Вавилона. Но письма, выгравированные на печати, составляли для меня неразрешимую загадку. Они представляли собой нечто вроде ассирийской клинописи, но с существенными различиями, которые мне виделись невооруженным глазом, и все попытки прочесть надпись, руководствуясь правилами расшифровки клинописей, потерпели неудачу. Неудачи, подобные этой, уязвляли мою гордость, и в любую свободную минуту я выносил Черную Печать из кабинета и изучал ее с таким усердием, что каждая буква оставила оттиск в моей памяти, и я мог не глядя воспроизвести надпись, не допустив ни единой ошибки. Вообразите же мое изумление, когда однажды я получил от приятеля из Западной Англии письмо с приложением, при виде которого меня точно молния ударила — ведь я обнаружил тщательно, до малейшей черточки воспроизведенный на большом куске бумаги оттиск Черной Печати. Над оттиском мой друг написал: «Найдено на известняковом камне в Серых холмах, графство Монмутшир. Сделано красноземом в недалеком прошлом». Я вернулся к письму, и вот что писал мой приятель:

«Посылаю тебе в приложении оттиск, сбереженный со всем тщанием. Пастух, проходивший мимо этого камня неделю назад, готов присягнуть, что тогда на нем не было никаких отметин. Письмена, как я уже говорил, были нарисованы поверх камня при помощи красной охры, и каждая буква длиной примерно в дюйм. Как по мне, выглядит похоже на значительно измененные ассирийско-вавилонские знаки, но это, разумеется, невозможно. Также это может быть чьим-нибудь розыгрышем или же, что наиболее вероятно, каракулями цыган, которых в этой глуши более чем достаточно. У них, как тебе прекрасно известно, имеется множество тайных знаков, при помощи которых они общаются между собой. Мне довелось увидеть этот камень пару дней назад в связи с довольно неприятным инцидентом, произошедшим в этих краях».

Разумеется, я немедленно ответил приятелю, поблагодарив за копию надписи, и небрежно поинтересовался, о каком именно инциденте он упоминал. Говоря вкратце, я узнал, что красивая и молодая вдова по имени Крэдок, лишь день тому назад потерявшая мужа, отправилась сообщить печальные новости кузине, живущей примерно в пяти милях, и решила пойти коротким путем, который пролегал через Серые холмы. Она не добралась до дома своей родни. Чуть позже, но в ту же ночь некий фермер, у которого несколько овец отбилося от стада, забрел в Серые холмы. При нем была собака, а в руке он держал фонарь. Внезапно он услышал шум, который впоследствии описал как унылые завывания, которые вызывали жалость. Пойдя на звук, он обнаружил несчастную миссис Крэдок, придавленную к земле куском известняковой скалы. Женщина раскачивалась взад-вперед, кричала и плакала столь душераздирающе, что, по словам фермера, он вынужден был заткнуть уши, иначе убежал бы восвояси. Миссис Крэдок попросила доставить ее домой, и одна из соседок отправилась выяснить, не нужно ли ей чего. Всю ночь несчастная вдова не переставала рыдать, перемежая вопли неразборчивой тарбарщиной. Когда пришел врач, миссис Крэдок признали душевнобольной. Неделю она оставалась в постели, голося, по словам людей, точно приговоренная к вечным адским мучениям, а теперь впала в глубокую кому. Согласно всеобщему мнению, горе от потери супруга помутило рассудок несчастной, и врачи даже некоторое время были уверены, что она не выживет. Нет нужды говорить, насколько

глубоко заинтересовала меня эта история, и время от времени я выуживал у приятеля очередные подробности. Так, я узнал, что спустя шесть недель здоровье женщины мало-помалу восстановилось, а через несколько месяцев она родила сына, нареченного Джервасом, который, к сожалению, оказался слабоумным. Таковы были факты, известные односельчанам миссис Крэдок, но для меня идея о чудовищных созданиях стала настолько неоспоримой, что я неосторожно осмелился высказать пару намеков на правду в кругу друзей-ученых. Стоило этим словам сорваться с моих губ, как я тут же горько раскаялся в содеянном, поскольку выдал величайшую тайну своей жизни; но вскорости обнаружил, что страхи мои оказались беспочвенными. Гнев мешался во мне с облегчением, когда друзья смеялись мне в лицо и я приобрел репутацию сумасшедшего. Ощущая вполне естественный в данных обстоятельствах гнев, я посмеивался над самим собой, осознавая, что поведать секреты этому дурачью — все равно что рассказать о них барханам в пустыне.

Но теперь, обладая столь многими знаниями, я был полон решимости выяснить все до конца и сосредоточился на расшифровке надписи на Черной Печати. Много лет минуты моего отдыха были посвящены именно этой загадке. Разумеется, львиную долю моего времени отнимали иные обязанности, и лишь иногда мне удавалось выкроить неделю-другую на исследование всей моей жизни. Если бы я решился изложить полную историю этих невообразимых изысканий, данные записи стали бы невероятно скучными, поскольку содержали бы простой перечень нескончаемых и тошнотворных провалов. Однако, вооруженный знаниями о древних письменах, я был хорошо подготовлен к охоте — именно так я всегда это называл. Я переписывался почти со всеми учеными Европы и, безусловно, остального мира и отказывался верить, что в наши дни какая бы то ни было надпись, сколь бы древней и сложной она ни была, может долго оставаться нераспознанной — учитывая, сколько я прилагал усилий. Однако факт оставался фактом: прежде чем я преуспел, прошло полных четырнадцать лет, причем каждый год рос объем моих профессиональных обязанностей, а время для отдыха сокращалось. Вне всяких сомнений, это замедляло мои изыскания, и все же я изумлен огромным объемом исследований Черной Печати, сделанных мной за этот период. На мой письменный стол стекались

переводы древних писем, сделанные во все века и во всех точках мира. Я решил, что ничто не собьет меня с толку, и даже малейший намек будет воспринят с энтузиазмом и тщательно изучен. Однако шли годы, я использовал один подход за другим, а результата все не было, и я постепенно впадал в отчаяние, гадая: не может ли Черная Печать оказаться одиноким реликтом расы, полностью исчезнувшей с лица земли и не оставившей более ни единого следа своего существования — короче говоря, закончившей так, как, согласно легендам, сделали это атланты в результате некоей катастрофы, которая погребла их в морских пучинах или под холмами. Подобные размышления несколько охладили мой пыл, и хотя я упорно продолжал исследования, однако прежней веры в себя уже не испытывал.

На помощь пришла случайность. В то время я находился в одном крупном городе на севере Англии и воспользовался шансом посетить заслуживающий величайшей похвалы музей, который уже некоторое время располагался именно там. Его куратор был одним из моих друзей по переписке, и когда мы прогуливались по выставке минералов, мое внимание привлек некий образчик: квадратный кусок черного камня примерно четырех дюймов в длину, отчасти напоминающий Черную Печать. Я аккуратно взял его, покрутил в ладони и, к величайшему моему изумлению, обнаружил надписи на его обратной стороне.

Очень осторожно я сообщил своему другу-куратору, что данный образец меня заинтересовал и я буду крайне благодарен, если он разрешит мне забрать камень с собой в отель на пару дней. Разумеется, он не возражал, и я поспешил в номер, дабы убедиться, что глаза меня не обманули. На камне имелись две надписи: одна — обычной клинописью, а другая — клинописью Черной Печати, и я осознал, что мои поиски наконец увенчались успехом. Я сделал точную копию обеих надписей, и когда вернулся в свой кабинет в Лондоне и положил перед собой Печать, то уже был готов всерьез потягаться с величайшей загадкой. Исходная надпись на музейном камне хоть и была достаточно любопытна, но все же не имела отношения к моим исследованиям, но вот ее перевод помог мне постичь секрет Черной Печати.

Само собой, приходилось кое-что домысливать; время от времени я испытывал неуверенность относительно той или иной идеограммы, а один символ, повторяющийся на Печати вновь и вновь, заставил меня всерьез помучиться на протяжении нескольких последующих ночей. Но в конце концов я сумел перевести таинственную надпись на чистейший английский и прочел руководство к чудовищным превращениям, происходившим на холмах. Едва я написал последнее слово, как тут же дрожащими пальцами разорвал бумагу в мелкие клочья, а затем смотрел, как они вспыхивают и чернеют в алых языках пламени. Потом я разворошил серый слой пепла, превратив его в мелкую пыль.

Никогда с тех пор я не выводил пером этих слов; никогда больше я не писал фразы, повествующие, как человека можно обратить в слизь, из которой он явился, а затем вынудить облечься в плоть змеи либо рептилии. Оставались лишь два вопроса, и ответ на них я знал, но жаждал увидеть все собственными глазами. И вот некоторое время спустя у меня появилась возможность снять дом по соседству с Серыми холмами, недалеко от жилища миссис Крэдок и ее сына Джерваса. Нет нужды вдаваться в полное и подробное перечисление произошедших здесь, в месте, где я пишу эти строки, совершенно невероятных событий. Я знал, что в Джервасе Крэдоке течет кровь «маленького народца», и, как я выяснил позже, он не раз и не два встречал своих сородичей в уединенных уголках этой дикой местности. Когда однажды в саду у него начался припадок и я услышал, как он разговаривает, а точнее — шипит на леденящем кровь наречии Черной Печати, боюсь, ликование во мне взяло верх над жалостью. Я слышал, как с его губ срываются тайны подземного мира, а также ужасное слово «Айшакшар» — прошу прощения за то, что вынужден был его воспроизвести.

Впрочем, не могу не упомянуть об одном инциденте. В глухом мраке ночи я проснулся от шипящих звуков, которые так хорошо знал. Я поднялся в спальню к несчастному мальчику и обнаружил, что тот бьется в конвульсиях, а изо рта его брызжет пена. Он так сильно извивался на кровати, словно его терзали демоны, а он пытался вырваться из их хватки. Я отнес мальчика в свою комнату и зажег лампу, пока он извивался на полу, взывая к силе, способной освободить его от плоти. Тело его опухло и раздулось, точно пузырь,

а лицо почернело прямо на моих глазах, и в решающий момент я поступил согласно указаниям, начертанным на Черной Печати, и сделал все необходимое. С одной стороны, я, вне всякого сомнения, был в тот миг ученым, скрупулезно наблюдающим за происходящим. С другой же стороны, то, чему я оказался свидетелем, было ужасным, выходящим за рамки не только человечности, но и самых чудовищных фантазий: из лежащего тела вырвалось и распростерлось на полу скользкое кольшущееся щупальце, которое пересекло комнату, схватило стоявший на буфете бюст и сбросило его на письменный стол.

Оно исчезло, и остаток ночи я бродил взад-вперед, обливаясь потом, бледный и трясущийся, а затем безрезультатно пытался успокоиться. Я всерьез доказывал себе, что на самом деле не произошло ничего сверхъестественного, что каждый раз, когда улитка высовывает рожки из раковины и шевелит ими, происходит именно то, чему я был свидетелем, но лишь в миниатюре, — однако ужас перечеркивал все доводы рассудка, заставляя меня сокрушаться и испытывать отвращение к себе самому за ту роль, которую я сыграл в ночном происшествии.

Осталось сказать немного. Я отправляюсь в последнее путешествие, на последнюю встречу. Как я уже отмечал, больше мне нечего желать, и я собираюсь лицом к лицу встретиться с «маленьким народцем». Я возьму с собой Черную Печать, и знание ее тайн поможет мне; если же я, к несчастью своему, не вернусь из этого путешествия, не стоит вызывать в воображении картину чудовищной судьбы, что меня постигнет.

*Перевод Валерии Малаховой
Под редакцией Григория Панченко*

Роберт Куттс Армор

Новый вид

Об авторе, известном нам под именем — или псевдонимом? — Роберт Куттс Армор (1874—1945), мы на самом деле мало что знаем. Он жил в Австралии, тогда бывшей, с одной стороны, полноправной частью Британской империи, а с другой — «окраиной цивилизации», где человек, не стремящийся к публичности, мог оставаться в тени. Армор к публичности не стремился. Он использовал множество псевдонимов, и есть серьезные основания предполагать, что один из них, Пьер Квируль, является его подлинным именем, указывая, таким образом, на французское происхождение. Однако большинство работ опубликовано от имени Армора — которое по умолчанию принято считать настоящим или, по крайней мере, «основным».

Начал он публиковаться за несколько лет до Первой мировой войны, продолжал сотрудничество с книжными издательствами до конца 1930-х годов, а с газетами и журналами — почти всю оставшуюся жизнь. Его руке принадлежат в целом свыше ста рассказов (возможно, много больше, если учесть нерасшифрованные до сих пор псевдонимы), неопределенное количество «малых романов», посвященных приключениям Секстона Блейка (персонаж детективного литературного сериала, выходившего с 1893 по 1978 год; авторство историй, опубликованных в первые десятилетия его существования, часто не раскрывалось), и три больших, изданных под именем Роберт Куттс Армор. Тематика его произведений многообразна: тут и юмор (очень удачный), и детектив (иногда фантастический), и стимпанк (впрочем, тогда так не называвшийся), и альтернативная история... Но конек Армора — хоррор, обычно в сочетании с приключенческим сюжетом.

Вечно терзаемый демоническим морем, окруженный рифами, острыми, как зубы акулы, остров Эйерн — у самого дальнего края Внешних Гебридских островов — редко посещается людьми. Здесь хозяйничают морские птицы. Их нескончаемый пронзительный крик

перекрывает шум волн, что разбиваются о подножие гранитных скал и грохочут в глубинах пещер, прорытых за века непрерывного прибою, подобного ударам молота. Именно птицы и привели Портера на Эйерн.

Это был маленький седой человечек, гибкий и подвижный, со смуглым лицом, обветренным из-за постоянного пребывания на воздухе при любой погоде, с искоркой в серых глазах и адским терпением охотящейся за птицами кошки.

Последнее качество ему пригодилось еще до того, как он добрался до острова. Сначала Портер два месяца ожидал, когда нанятый им баркас отважится выйти в море, а потом, уже на месте, они целые сутки пролежали в дрейфе с подветренной стороны, прежде чем стало возможно доставить на берег привезенный груз и провиант, которого хватило бы на полгода. Команда в лихорадочной спешке возвела хижину, в которой Портер намеревался прожить ближайшие три месяца. Она была крохотной, но крепкой, собранной из секций, которые надежно стянули болтами, с крышей, не дающей защиты от ветра, и плотно прилегающей дверью, способной выдержать напор ураганного ливня. Хижину установили в нише под плоской вершиной острова и тщательно закрепили, набросав тяжелых камней для балласта.

— Ну вот, сдается мне, что теперь вас отсюда не сдует, мистер Портер, — заявил капитан, завершив работу и встав поодаль, чтобы оценить работу. — Только я все одно не завидую вам, приятель. Недоброе здесь место. Знаете, сказывали мне...

— Ой, да слышал я все эти байки, — ответил Портер. — Якобы здесь выходит на берег морской народ, так, что ли? Русалки, тритоны там всякие, верно? Что ж, не побоюсь сказать, я буду только рад их компании. Предложу им, к примеру, чая, ага?

— Может статься, что это вас подадут им на обед, — усмехнулся капитан и, заметив, что на море опять поднялись волны, велел команде поторапливаться и подниматься на борт.

Через полчаса маленькое суденышко скрылось из глаз с подветренной стороны, и Портер стал повелителем всего, что видел перед собой.

По его словам, поначалу он испытывал неопишуемый восторг. Энтузиаст орнитологии, он давно мечтал об этой экспедиции. Уединенный уголок, заброшенный людьми и заселенный птицами,

представлялся ему истинным раем. При нем были фотоаппараты, ружье и мелкокалиберная винтовка для отстрела коллекционных образцов, приспособление для выдувания яиц¹, защитный чехол для записных книжек, полный комплект снаряжения и неисчерпаемый материал для исследований. Он был счастлив.

Хорошая погода продержалась две недели, на протяжении которых он был занят от восхода солнца и до глубокой ночи, жалея о времени, потраченном на прием пищи, поскольку прекрасно понимал, что такие благоприятные условия не могут длиться долго.

«А потом с севера пришел шторм, настоящая буря, — рассказывал он. — Мне казалось, что я все знаю о ветре, но такой опыт я не хотел бы пережить снова. Я не смел отойти от хижины дальше чем на несколько шагов, опасаясь, что меня сорвет со скалы и зашвырнет в море. Воздух наполнился брызгами, и я едва мог различить собственные ноги. Шум стоял ужасающий. Весь остров дрожал, и я боялся, как бы скала, под которой стояла моя хижина, не обрушилась на меня всей своей массой. Немало часов я провел, укладывая вдоль стен и на крыше крупные камни, и когда шторм наконец утих, хижина почти целиком оказалась погребена под ними. Со стороны она теперь выглядела как жилище эпохи палеолита, и ничто, кроме землетрясения, не смогло бы сдвинуть ее с места».

Ураган сменился относительным затишьем с легким юго-западным ветром, принесшим дождь, и лишь незначительной донной волной. Портер воспользовался слабым приливом, чтобы осмотреть нижние уступы, к которым не решался подобраться раньше, и забрел довольно далеко от пляжа той крошечной бухты, где произошла высадка, пока изменение течения воды не предупредило его, что пора возвращаться.

«Я был разочарован, потому что надеялся добраться до устья пещеры, которую разглядел из бухты. Там наверняка нашлись бы гнезда, и мне хотелось понаблюдать за повадками обитателей пещеры. Однако рисковать было ни к чему, я мог промокнуть и провести не самую приятную ночь под открытым небом, поэтому сделал пару снимков и повернул назад. Уступ был узким, так что я поневоле шел медленно. И уже собирался обогнуть угол скалы, как вдруг испытал странное ощущение, будто бы на меня кто-то смотрит.

Должно быть, вам знакомо это чувство? Мне вспомнился один парень из “Путешественников”, который рассказывал, как на него

охотился лев. Он говорил, что стал бы легкой добычей зверя, если бы вдруг не почувствовал взгляд, сверливший его спину. Вот и со мной случилось то же самое. Я почувствовал чей-то взгляд, и по спине пробежал холодок.

Я повернулся со всей резкостью, на какую был способен. На уступе никого не оказалось, абсолютно никого, и на скале над ним тоже. Никто не смог бы вскарабкаться по такому отвесному склону. И тут я заметил возле устья пещеры расходящиеся круги на воде, как будто кто-то только что туда нырнул. Я подождал минуту, а потом, так ничего больше и не увидев, тронулся в путь и благополучно добрался до бухты.

Тропа уходила от пляжа круто вверх, а за ней до самой хижины тянулся плоский уступ. Я остановился у подножия скалы, в последний раз оглянулся и начал подъем. И тут у меня снова возникло это ощущение! Я бросился назад, но без какого-либо успеха. Хоть мне и показалось, что кто-то исчез в глубине бухты, волнение на море было слишком сильным, чтобы разглядеть круги на воде.

Поднимаясь по тропе, я ломал голову над этой загадкой. Некоторые ныряющие птицы обладают необъяснимой привычкой прятаться под водой, когда кто-то поворачивается к ним, однако я никогда не испытывал ничего похожего, когда они смотрели мне в спину. А кроме того, птица, способная поднять такое волнение на воде, как в тот раз возле пещеры, должна быть чудовищем неслыханных размеров.

Я решил, что это мог быть тюлень, но мне тут же пришло в голову, что я не видел ни одного тюленя со дня прибытия на остров, хотя он и казался идеальным местом для этих существ. Еще удивительней то, что они редко попадались мне на глаза и на побережье Льюиса, и по пути сюда. Но возможно, на летний сезон они уплыли на север, оставив здесь только старого самца-отшельника, который с годами стал осторожным и не захотел рисковать. В целом эта мысль показалась мне вполне правдоподобной.

Весь оставшийся день я обрабатывал накопившиеся фотопластинки и рано лег спать, чтобы проснуться с рассветом. Этот день выдался самым чудесным за все мое пребывание здесь. Небо было безоблачным, а море почти спокойным, так что я решил искупаться.

То, что я называю пляжем, на самом деле представляло собой пологую каменистую отмель, местами покрытую галькой и многочисленными трещинами. Она круто обрывалась, так что я, сделав три-четыре шага, неожиданно оказался на глубоком месте. Проплыв ярдов сто, я перевернулся на спину и расслабился. Если не считать легкой качки, море было совершенно спокойным.

Потом я увидел на воде небольшую воронку, вроде тех завихрений, какие возникают, когда крупная рыба проплывает близко к поверхности, а через мгновение у меня возникло прежнее неприятное ощущение, будто бы за мной наблюдают сзади.

Я перевернулся на живот, но опять опоздал. На воде остались только расходящиеся круги и ничего больше. Медлить я не стал. Пловец из меня неважный, но, думаю, я преодолел ту сотню ярдов до берега за рекордное время. Не уверен, но мне представляется, что существо сопровождало меня, плывя параллельным курсом, пока я не выпрямился и не заскочил на отмель, подняв фонтан брызг.

Я принялся торопливо одеваться, запутался в брюках и, пытаясь сохранить равновесие, наступил на острый камень и порезался. Забрызгав весь камень кровью, я наконец остановил кровотечение. Затем я присел на один из валунов, чтобы закончить с одеванием, попутно проклиная свою неловкость, из-за которой придется несколько дней не уходить далеко от хижины, как вдруг из-за дальнего конца острова выплыла рыбацкая лодка. До нее было далеко, но экипаж, заметив, что я машу рукой, повернул к берегу и сбросил парус, чтобы обойти рифы, закрывающие вход в бухту.

В лодке сидели четверо мужчин, и мне показалось, что они не горели желанием сойти на берег. Двое гребцов налегали на весла, а тот, что стоял на носу, успел прокричать целую череду вопросов, из которых я ничего не понял, потому что рыбак говорил по-гэльски. Я обратил внимание, что на лавке рядом с рулевым лежало ружье — несколько необычное оснащение для рыбацкого судна.

Я снова помахал рукой, приглашая их в гости, и заковылял к кромке воды. Наконец лодка приблизилась, высадила того, кто стоял на носу, и сразу дала задний ход. Высаженный мужчина с большой торопливостью двинулся по мелководью к берегу и, как только добрался до меня, разразился целым словесным потоком.

Кажется, он убеждал меня незамедлительно подняться на борт, но я лишь покачал головой в ответ и показал на свою хижину. Он заметил кровь на камне и рану на моей ноге и забеспокоился куда сильнее, чем того, на мой взгляд, требовало положение. А когда я дал ему понять, что хочу, чтобы он поднялся в хижину и попробовал моего виски, он вызвался пронести меня на руках всю нижнюю часть тропы. Насколько я смог понять, он считал оставленный на камне кровавый след крайне опасным.

Прежде чем войти в хижину, он тщательно обследовал дверь и оценил ее надежность одобрительным кивком. Пока я разливал виски, он отыскал взглядом мое ружье и немного приободрился, но затем, осмотрев патроны, уныло покачал головой, показав энергичными жестами, что даже дробь восьмого номера — а крупней у меня не было — слишком легкая. Что касается мелкокалиберной винтовки, то на нее он лишь презрительно фыркнул. Разумеется, пуля двадцать второго калибра — не самый лучший боеприпас, хотя я полагал, что для моих целей этого вполне достаточно.

Виски сделал его более красноречивым, его знаки стали чрезвычайно выразительными, и я отчетливо понял, что он хочет, чтобы я незамедлительно ушел вместе с ним, но уяснить причину этого желания мне так и не удалось. В ответ я показал ему предполагаемую дату своего отъезда — приблизительно через девять недель, — и он в отчаянии развел руками.

Наконец, видя мою непреклонность, он попрощался со мной, но перед уходом вынул из кармана свинцовое грузило, разрубил на мелкие кусочки и начинил ими патрон вместо вызвавшей у него такое презрение мелкой дроби.

Из дверей хижины я видел, как лодка скользнула к берегу, взяла рыбака на борт и тотчас отчалила. Несколькими минутами позже она поймала косой ветер, который вскоре унес ее за пределы видимости, оставив меня в крайне подавленном расположении духа. Тщетно напоминал я себе, что эти простые рыбаки верят во всевозможные жуткие легенды, будто бы на каждую из скал, тысячами разбросанных вдоль побережья, наведываются водяные духи или сирены, что тюлени — это потомки людей, утонувших в море, и раз в год, в ночь на Иванов день, они сбрасывают шкуры и пляшут на берегу в человеческом облике от полуночи до рассвета.

Очень даже вероятно, что Эйерн страшит рыбаков из-за неких привидений, беспочвенных плодов кельтской фантазии. Что может быть естественней посреди полного опасностей моря, из которого поднимается алая, словно кровь, заря, а от скал, окутанных туманом, отражаются эхом самые причудливые звуки?

И все же, даже посмеиваясь над рыбаком, хотя и не вполне искренне, я понимал, что за его очевидной тревогой кроется нечто более осязаемое, чем келпи² и колдовские чары. В свинцовом грузиле было что-то весьма убедительное. Никто не станет разрубать хорошее грузило из-за воображаемого морского народа.

Так, может быть, это существо и стало причиной его беспокойства? Что, если я был на волосок от гибели? И самое главное — кто это такой, ради всего святого?

У меня было достаточно времени, чтобы обдумать этот вопрос, поскольку в тот день я не уходил далеко от хижины. Сидя на пороге, я перевязал раненую ногу, пообедал и снова уселся, глядя на бухту. Временами мне казалось, будто там кто-то стремительно движется, прямо под поверхностью воды, и я размышлял о том, что люди, более чем полвека регулярно занимаясь ловлей рыбы и углублением фарватеров, по-прежнему мало что знают об обитателях моря.

Несомненно, в океане существует множество видов, которых мы до сих пор не описали и не добыли ни одного образца. Гигантский морской змей может оказаться не одним из тех мифов, что рассказывают подвыпившие моряки, а кракен — не совсем плодом воображения.

Так и тянулись мои размышления, пока к тому месту, где я сидел, не подкрался туман, редкий, но все же скрывающий от взгляда и бухту, и тропинку, и все остальное, кроме земли у меня под ногами. Я вошел в хижину, достал «Мифы и легенды Западного Хайленда» Кэмпбелла³, которые прихватил с собой для легкого чтения, и вскоре погрузился в истории о колдунах и ведьмах, способных вызвать бурю и отправиться в морское плавание на яичной скорлупе.

Я сидел возле двери, крошечное окошко хижины было пригодно только лишь для вентиляции. Туман стеной стоял передо мной, а из мрака время от времени доносился неумолчный гомон птиц, который служил вполне подходящим аккомпанементом моему чтению. Свет

угасал, и я уже собирался закрыть книгу и встать, чтобы заварить чай, как вдруг, всего в двух ярдах от меня, что-то беззвучно поднялось из тумана — размытый, колеблющийся силуэт высотой почти в человеческий рост.

Омерзительная вонь ударила мне в ноздри. Я закричал в совершенном испуге, и при звуке моего голоса существо пропало из вида. Я слышал грохот камней, но не более того: туман был так же пуст, как и до появления гостя.

“Но ведь здесь никого не может быть! — Я поймал себя на том, что выкрикиваю эти слова в пустоту. — Никого, способного это сделать!”

И это было — по крайней мере, до того момента — абсолютной правдой. Если верить книгам по естественной истории, ни одного существа, соответствующего видимым размерам моего призрачного гостя и способного подняться от моря по крутой тропе, в здешних водах не встречалось. Тюлень мог бы совершить такое восхождение, но даже принимая в расчет увеличительные свойства тумана, это должен быть великий отец всех тюленей, размером с морского слона, чей ареал обитания находится за полмира от острова Эйерн.

Итак, убедив себя этим коротким рассуждением, что привидевшееся мне не может существовать на самом деле, я запрыгнул в хижину, запер дверь с мгновенным приступом сожаления о том, что затвор такой хлипкий, и решил укрепить его самыми тяжелыми из упаковочных ящиков. Попросту говоря, на какое-то время меня охватил унижайший страх.

Только из-за того, что я увидел в тумане нечто необъяснимое? Нет, скорее это был результат, кульминация всего, что случилось раньше, и в особенности — странной тревоги рыбака за мою безопасность. Это существо должно быть смертельно опасным, иначе крупный рыжебородый мужчина не поднял бы такой переполох. Я вставил в патронник ружья снаряженный им патрон, тем же способом приготовил из свинцового пресс-папье начинку для еще нескольких, и уверенности у меня сразу прибавилось. Теперь я был готов защитить себя.

Вечер тянулся и тянулся. Ничего не происходило. Наконец я погасил лампу и, не раздеваясь, лег спать. Как ни странно, я почти сразу задремал. Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем меня разбудил шум — стук падающего камня, одного из тех, что я сложил

у стены. Через мгновение упал еще один. Очевидно, существо пыталось забраться на крышу. Я зажег лампу и, когда она осветила окно, заметил — или мне только показалось, — как что-то темное промелькнуло в тумане.

Шума больше не было слышно, но я уже не мог заснуть. Когда наконец забрезжил блеклый рассвет, я не утерпел, приоткрыл дверь и выглянул наружу, держа ружье наготове. Никого! Только по окрестным камням разбросаны клочки носового платка, который я оставил за дверью после того, как заново перевязал ногу.

Я спустился по тропинке чуть дальше и нашел другие клочки. Существо поднялось к хижине и вернулось к морю этим путем. Впредь следовало быть хитрей. По крайней мере, теперь я мог узнать о его приближении, чтобы подготовиться к встрече. Я сложил стенку из мелких камней поперек тропы, чтобы даже кролик не мог проскочить мимо, не обрушив ее с грохотом. А поскольку кроликов на Эйерне нет, оставалось мало шансов на то, что тревога окажется ложной.

Покончив с этим делом, я приготовил факел из соломы и промасленной упаковочной бумаги.

Я попытался занять себя, разбирая свои записи, но без особого успеха. Зажатое между колен ружье то и дело возвращало мои мысли к тому, что могло притаиться в тумане совсем рядом. Не думаю, что я когда-либо переживал более тревожный и томительный день, так что я даже обрадовался, когда начало темнеть, поскольку был уверен, что мой вчерашний гость вернется.

Оставив окно открытым, но занавесив лампу так, чтобы снаружи был виден только отсвет, я заступил в караул, настороженно прислушиваясь к каждому шороху или звуку. В девять я скромно поужинал. В десять перестал притворяться, будто увлечен чтением. К двенадцати начал мрачнеть, убеждая себя, что этой ночью существо не объявится. И всего лишь через две-три минуты услышал, как моя сигнальная стенка обрушилась.

Я тщательно отрепетировал все, что собирался делать, и теперь повторил без единого сбоя. Зажег факел, швырнул его в окно, а затем выскочил наружу и разрядил один ствол.

Раздался грохот катящихся камней, вслед за ним — нечто напоминающее кашель и рев одновременно, туман закрутился вихрем,

и что-то темное, трудно различимое проковыляло к ложбине и дальше в сторону плато. Я выстрелил из второго ствола, и рев прозвучал снова.

Поднялся оглушительный гомон птиц, испуганных нарушителем спокойствия, но я уже больше ничего не мог предпринять, а потому вернулся в хижину, перезаряжая на ходу ружье.

Постепенно птичий переполох затих, наступила тишина, нарушаемая лишь обычными скупыми звуками. На какое-то время враг был обращен в бегство.

И все же я так и не уснул. Насколько мне было известно, тянувшийся мимо хижины овраг был единственным удобным спуском к морю, и существо в любой момент могло вернуться, наведив по дороге и меня. Однако я больше не боялся, а скорее сам рвался всадить еще один заряд картечи в этого зверя. Но еще больше меня мучило любопытство, ведь мимолетный взгляд на существо ничуть не прояснил загадку. Я видел лишь бесформенную массу, которая могла оказаться чем угодно, размытое пятно, напоминающее облако дыма.

Я ломал голову над этим вопросом до самого рассвета, а затем, решив, что ничего важного, вероятно, уже не произойдет, задремал и проспал два-три часа. Когда я проснулся, туман в верхней части острова уже рассеялся, но все еще висел густой пеленой над морем. Вознамерившись выследить добычу и, если удастся, покончить с загадкой, я наскоро позавтракал и заковылял к выходу.

Идти по следу оказалось нетрудно. Лужа крови на том месте, где я соорудил стенку, как и множество капель по всему оврагу, говорили о том, что я серьезно ранил ночного гостя. На плато над тропой след был таким же ясным. Существо пропахало борозду прямо по гнездам, давя по пути яйца и птенцов.

Похоже, оно какое-то время бесцельно бродило по плато, а затем направилось к краю скалы и прошло вдоль него значительное расстояние, вероятно, разыскивая дорогу вниз. Я продвигался очень осторожно, в любой момент ожидая встречи со зверем. Несколько раз я останавливался возле скопления валунов и бросал в них камни. Однако оттуда никто не появлялся, а след вел все дальше, пока я не добрался до места, находящегося прямо над той самой пещерой, о которой уже рассказывал. Здесь существо свернуло в овраг с такими

крутыми склонами, что я засомневался, стоит ли отправляться следом за ним с моей раненой ногой.

Постояв немного в нерешительности, я отважился спуститься к большому выступу скалы в тридцати футах ниже. Спуск занял немало времени, но в конце концов я устроился в безопасной расщелине, откуда мог рассмотреть оставшуюся часть оврага.

Как я и предполагал, он вел не прямо вниз, а обрывался на широком уступе приблизительно в пятидесяти футах над поверхностью моря. Туман все еще висел над скалами, и я лишь изредка мог разглядеть темную воду далеко внизу. Водяной пар кружился под легкими порывами ветра, то полностью скрывая уступ, то истончаясь в газовую вуаль, сквозь которую смутно проступали валуны и пятна лишайника.

На уступе что-то шевельнулось, что-то большое, длинное, настолько сливающееся своей окраской с камнем, на котором лежало, что только движение выдавало в нем живое существо. Но в этот момент туман опять сгустился, и больше я ничего не разглядел.

Оставалось только ждать. Я пристроил ружье между коленями и наблюдал за кружением завитков тумана по меньшей мере полчаса, прежде чем они снова рассеялись. Серый сторбленный силуэт снова стал различим, и я разрядил в него сразу оба ствола.

С высоты мне показалось, что часть уступа приподнялась и скатилась в море. Я отчетливо видел, как нечто похожее на перепончатую лапу метнулось в сторону в тщетной попытке задержать падение. Затем послышался мощный всплеск, и в тот же момент что-то рванулось к месту падения, рассекая воду, словно нос идущего на полном ходу эсминца. Море вспенилось, две темные фигуры сошлись в яростной схватке, разбрасывая вокруг окрашенные кровью брызги, а затем туман снова сгустился, оставив меня так же далеко от решения загадки, как и прежде.

Шум схватки был слышен еще несколько минут, а затем наступила тишина, и когда туман наконец снесло в сторону порывами ветра, внизу уже не было видно ничего, кроме постепенно размываемых красных пятен на воде. Я наблюдал за морем еще довольно долго, но так ничего и не дождался.

Тем же вечером вернулись рыбаки, прихватившие с собой для перевода священника — приятного молодого человека, говорившего по-английски с отчетливым хайлендским акцентом. Он сошел на берег

в сопровождении того самого рыжебородого, который гостил у меня раньше, а лодка, как и в первый раз, тут же отчалила, но такая предосторожность, как ружье в руках у сидевшего на корме рыбака, уже не казалась глупой.

Священник “открыл огонь”, как только оказался на расстоянии оклика от меня, рассказывая, кто он такой и зачем сюда прибыл:

— Вот этот человек, Ангус Макферсон, пришел ко мне в глубокой тревоге, поскольку не сумел объяснить вам, какой опасности вы подвергаетесь, оставаясь здесь, — начал он. — Так что мне волею-неволей пришлось плыть сюда с ним. Кто-то досаждал вам? Что здесь вообще произошло?

Он остановился перед первым пятном крови, а Ангус в сильном волнении разразился целым потоком слов на гэльском.

— Это кровь той смертельно опасной твари, — ответил я. — Не могу дать ей иного названия, потому что сам только мельком видел ее.

— И Ангус тоже не может сказать, кто это такие, — сказал священник. — Похоже на то, что их здесь несколько. Одна из наших лодок недавно пропала, и говорят, что на нее напали эти существа. На подобранных обломках судна были видны следы жутких зубов. Остров считают местом обитания этих чудищ. Вам лучше уплыть с нами. Другой возможности может не представиться еще долго.

И я уплыл. Уединение — это очень хорошо, и птицы вызывают огромный интерес, но их можно изучать и не в таких суровых условиях. Если я постоянно буду настороже, то вряд ли смогу заниматься чем-то еще. Так что мы перенесли мой багаж в лодку и отчалили — не без опасливых взглядов на темное устье пещеры, которая, по моим предположениям, хранила тайну острова».

На этом заканчивается практически важная часть рассказа Портера. Дальнейшее не пролило света на загадку, хотя в нескольких таинственных исчезновениях рыбацких судов обвинили чудовищ Эйерна.

Мнения морских зоологов разделились. Одни предполагают появление нового вида тюленей, более крупных и свирепых, чем знакомые нам милые животные, и, в отличие от них, плотоядных и кровожадных. Другие восхищены перспективой открытия нового вида аллигаторов, средой обитания которых оказалось море. Третьи

смело ратуют за нечто совершенно новое и необычное — земноводную акулу-тигра, результат бог весть какой глубоководной эволюции.

А пока готовится экспедиция, призванная раскрыть тайну, мистер Портер бродит по залам Национального музея и другим местам, где выставлены образцы смертоносного холодного оружия, раздумывая над тем, какое из них выбрать. Он не намерен возвращаться на Эйерн, не предприняв необходимых мер предосторожности.

Перевод Сергея Удалина

Под редакцией Григория Панченко

¹ Поскольку для коллекционирования используется лишь скорлупа яйца, его содержимое предварительно выдувают. Для этого применяется специальное устройство, включающее зажимы и особое сверло, которое позволяет просверлить на боковой поверхности яичной скорлупы крохотное малозаметное отверстие. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Келпи — в шотландской мифологии водяной дух, обычно принимающий облик лошади.

³ Судя по дате написания рассказа, речь идет не о хорошо известном современным читателям Джозефе Кэмпбелле, авторе «Тысячеликого героя» и «Мифов, в которых нам жить», а о каком-то другом исследователе мифов, но найти о нем какую-либо информацию не удалось.

Теодор Рузвельт

Вендиго

Да, это тот самый Рузвельт, двадцать шестой президент Соединенных Штатов и вообще человек выдающийся во многих отношениях — в частности, замечательный следопыт и охотник, а также очень грамотный натуралист. Естественнаучные увлечения стали его «первой любовью», опередившей интерес к политике. Многие исследования Рузвельта, посвященные природе, до сих пор остаются эталонными, и опубликованная в 1893 году книга *The Wilderness Hunter* («Охотник в дикой природе») — тоже среди них.

Название «Вендиго» у Рузвельта отсутствует, но его традиционно носит глава (или вставная новелла) из этой книги, регулярно публикуемая в отдельных изданиях. К какому жанру ее относить, единого мнения нет. С одной стороны, перед нами, несомненно, беллетризованная устная новелла, которую Рузвельт, прежде чем включить в свое сочинение, подверг литературной обработке. С другой — многие исследователи, занимающиеся проблемой «снежного человека», считают ее документальной.

Думается, можно принять обе точки зрения. Интересен комментарий знаменитого натуралиста и писателя Эрнеста Сетон-Томпсона, опубликованный в 1932 году. По словам Сетон-Томпсона, Рузвельт рассказывал ему об этом эпизоде тридцать пять лет назад, то есть в 1897 году, через четыре года после публикации книги «Охотник в дикой природе», причем будущий президент совершенно ясно дал понять, что уверен в правдивости рассказа и не считает его «гоблинской историей». После чего они вместе попытались найти ему естественнаучное объяснение — и не смогли. И Рузвельт, и Сетон-Томпсон избегали принимать версию о реальности «снежных странников, призраков и злых существей», в числе которых был и Вендиго — зимний дух голода и голодной смерти, многократно оживленный в творчестве последующих писателей, вплоть до Стивена Кинга. Но в их научном арсенале еще не было представлений о возможности существования «дикого человекозверя».

Фронтирsmены⁴, как правило, не особенно суеверны. Они для этого чересчур практичны и ведут слишком трудную жизнь, в которой остается мало места для полетов воображения, касающихся духовной жизни или сверхъестественных явлений. Живя на фронтире, я слышал лишь несколько историй о привидениях, да и эти были совершенно банальны.

Лишь однажды мне довелось услышать «гоблинскую историю», которая меня по-настоящему впечатлила. Ее рассказал старый охотник-горец по имени Бауман: седой обветренный человек, который родился на фронтире и прожил там всю жизнь. Он явно сам верил тому, что говорил, потому что по ходу своего повествования с трудом сдерживал дрожь; но он, как следует из фамилии, был немецкого происхождения и в детстве, несомненно, наслушался всевозможных преданий о привидениях и гоблинах, так что в его разуме подспудно таилось множество страшных суеверий. Кроме того, он был так же хорошо знаком с легендами, которые рассказывали индейские шаманы долгими ночами в зимних стойбищах: истории про снежных странников и призраков, про лишенных четкой формы злых сущностей, что бродят в дебрях леса, жаждая подстеречь одинокого путника и его собак, если те под покровом ночи окажутся невдалеке от мест, где все эти лесные чудища таятся...

Когда произошло событие, о котором рассказывал Бауман, он был еще совсем молодым человеком. Вместе со своим напарником они ставили капканы в горной местности, отделяющей русло реки Салмон от истоков Виздом-ривер⁵. Их охота оказалась не очень удачной, поэтому они с напарником решили подняться по особенно дикому и уединенному ущелью, через которое протекал небольшой ручей, где, как говорили, водилось много бобров. Перевал, к которому им надлежало приблизиться, имел дурную репутацию, потому что за год до этого там был убит, по-видимому, хищным зверем, одинокий охотник: его обглоданные останки впоследствии были найдены старателями, которые днем раньше набрали на его опустевший лагерь.

Однако память об этом событии никоим образом не остановила двух молодых легкомысленных охотников, которые были столь же предприимчивыми и стойкими, как и любые другие представители их

вида. Они доехали на паре своих тощих горных пони до подножия перевала, где оставили их пастись на открытом бобровом лугу, потому что простиравшийся далее каменистый склон, густо поросший лесом, был непроходим для лошадей. Затем молодые люди двинулись пешком через огромную мрачную чащу. Им потребовалось примерно четыре часа, чтобы выйти на небольшую открытую поляну, где они и остановились, чтобы разбить лагерь, поскольку признаков пушной дичи вокруг было предостаточно.

Оставался еще час или два до наступления сумерек. Быстро соорудив навес из подлеска, они оставили там свои уже распакованные заплечные мешки и двинулись вверх по течению. Заросли здесь были очень густыми и труднопроходимыми, загроможденными буреломом. Лишь кое-где этот мрачный лес перемежался небольшими полянами, поросшими горным травостоем.

К лагерю они вернулись уже в сумерках. Поляна, на которой его разбили, была не слишком широка, высокие стволы тесно растущих вокруг сосен и елей огораживали ее, точно сплошной частокол. С одной стороны протекал небольшой ручей, за которым поднимались крутые горные склоны, покрытые густым хвойным лесом.

Они удивились, обнаружив, что во время их короткого отсутствия кто-то — по всей видимости, медведь — навестил лагерь и порылся в их вещах, разбросав содержимое мешков и явно целенаправленно разрушив навес. Следы зверя были довольно четкими, но поначалу охотники не обращали на них особого внимания, занятые более насущными делами: они быстро восстановили навес, оборудовали спальные места, разложили припасы и разожгли огонь.

Пока Бауман готовил ужин, опустилась темнота. Тем временем его спутник решил повнимательней осмотреть следы. Вскоре он взял из костра головню, чтобы лучше разглядеть следовую цепочку там, где «злоумышленник», орудовавший в их лагере, удалился прочь по звериной тропе. Когда головня погасла, он вернулся и взял еще одну, после чего осмотрел следы повторно и очень внимательно. Вернувшись наконец к костру, постоял молча несколько минут, взглядываясь в темноту, и вдруг заметил: «Бауман, этот медведь шел на двух ногах».

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ